
ЕЛЕНА ЛАНЦ
Невеста без имени
18+

Елена Ланц

Невеста без имени

«Автор»
2026

Ланц Е.

Невеста без имени / Е. Ланц — «Автор», 2026

В мире, где истинное имя даёт власть над человеком, Лиора — опасное исключение. Она сирота без прошлого, чьё имя неизвестно даже ей самой.Согласившись выдать себя за исчезнувшую наследницу знатного рода, девушка становится невестой Кайрена Вальтериса — могущественного мага, о жестокости которого ходят легенды.Их брак должен стать лишь частью чужой игры. Но холодный и опасный Кайрен оказывается человеком, способным пробудить в Лиоре чувства, которых она никогда не знала.Чем ближе свадьба, тем страшнее тайны, окружающие её происхождение. Ведь истинное имя Лиоры способно разрушить магию целого мира.И когда придёт время выбирать между свободой тысяч людей и жизнью любимого мужчины, даже древнейшие заклинания не подскажут ей правильного решения.

© Ланц Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ДЕВОЧКА И КОЛОКОЛ 6
ИМЯ НА ХЛЕБНОЙ КОРКЕ 9
ЧУЖОЕ ЛИЦО 12
ХОЗЯИН ДОМА ВАЛЬТЕРИС 16
ПЕРВАЯ ЛОЖЬ 20
ДВЕРЬ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ 24
ПРАВИЛА ИСКЛЮЧЕНИЯ 28
БИБЛИОТЕКА С ПУСТЫМИ СТРАНИЦАМИ 32
НИЖНЯЯ УЛИЦА 35
ТРИ ПИСЬМА 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Елена Ланц
Невеста без имени

ПРОЛОГ

ДЕВОЧКА И КОЛОКОЛ

В ту ночь колокола звонили без звонарей.

Мальчик, стоявший на галерее дворца Вальтерисов, насчитал двенадцать ударов. После тринадцатого стекла в высоких окнах пошли трещинами, а мать велела ему отвернуться.

— Не смотри вниз, Кайрен.

Конечно, он посмотрел.

Под дворцом, на глубине многих лестниц, распахнулись каменные створки. Там, где полагалось быть темноте, горело белое сияние. Люди в церемониальных одеждах стояли вокруг круга, начертанного золотом. В центре круга находилась девочка лет пяти. Она была босой, держала в руках тряпичную птицу и совершенно не плакала.

— У неё есть имя? — спросил Кайрен.

Мать стиснула его плечо так сильно, что мальчик поморщился.

— Никогда не задавай этого вопроса.

Старший жрец поднял нож. Девочка уронила птицу. Вспышка прокатилась под куполом, точно белое море ударилось о берега. У жреца изо рта вырвался чёрный дым. Люди упали на колени. Мальчик услышал голос — не ушами, а где-то глубоко за собственным сердцем.

«Отпусти».

Он сделал шаг к лестнице. Мать схватила его за ворот.

— Отступи. Это не человек.

Внизу девочка подняла лицо. На одно короткое мгновение их взгляды встретились. И Кайрен испытал невозможное: ему показалось, будто кто-то знает его не по фамилии, не по истинному имени, запертому от чужих глаз, а целиком. Со всеми страхами, с его ещё не совершёнными ошибками.

— Она боится, — сказал он.

— Она опасна.

Сияние погасло. На круг упал пепел. Девочка исчезла.

После вспышки никто не решался пошевелиться. Кайрен видел, как люди внизу ощупывают собственные лица и руки, будто проверяют, остались ли они собой. Жрец с ножом сидел на полу. Он открывал рот, но не мог произнести ни звука. Старший из стражников протянул ему воду, и тот оттолкнул кружку так резко, что она покатилась по мрамору.

— Закройте створки, — приказала мать Кайрена.

Приказ не сработал. Тяжёлые каменные половины двери стояли открытыми, хотя по их краям бежали серебряные знаки послушания. Один из знаков отделился от камня и рассыпался прямо на глазах у мальчика, словно кто-то стёр его невидимой ладонью.

— Что с ней сделали? — спросил Кайрен.

Мать посмотрела на него не сразу. Она всегда казалась ему человеком, у которого ответы приготовлены заранее, даже если вопрос ещё не задан. Сейчас её лицо было таким растерянным, что он впервые заметил маленькую морщину у переносицы.

— С ней ничего не сделали, — ответила она. — Мы пытались предотвратить то, что она может сделать с нами.

— Но ей хотелось плакать.

— Ты не знаешь, что она чувствовала.

— Я видел, как у неё дрожал подбородок. Она держала игрушку.

Мать схватила его за плечи и присела так, чтобы их глаза оказались на одном уровне. От её дорогого платья пахло ирисом и горячим воском. До этого вечера запах всегда означал безопасность: мать приходила поцеловать его перед сном, и Кайрен засыпал, считая, что сильнее её магии не существует ничего на свете.

— Ты должен запомнить, — произнесла она. — У людей есть имена. У заклинаний есть назначение. Нельзя путать одно с другим.

— А если заклинание испугалось?

Она отвернулась. Именно это молчание мальчик запомнил лучше всех её последующих объяснений.

Ночью ему запретили выходить из детской. На двери повесили печать, которая должна была срабатывать, если он дотронется до ручки. Кайрен даже не пытался её открыть. Он сидел на ковре рядом с окном и смотрел на семь башен, соединённых крытыми переходами. В одной из башен горел свет; поздно за полночь он погас. Садовник, которого мальчик знал по имени, прошёл через двор с пустой тележкой. На колесе прилипло что-то серое, похожее на лоскут ткани.

Кайрен принялся рисовать птицу по памяти. Получилось плохо: одно крыло длиннее другого, шов поперёк живота. Он спрятал рисунок между страницами учебника.

Мальчик не решился лечь в кровать. Он забрался на широкий подоконник, поджал колени и стал наблюдать за пустым двором. В каждом окне дворца горел отдельный огонёк, но ни один не казался приглашением войти. Кайрен знал, что утром никто не станет говорить с ним о случившемся. Взрослые будут уверять, что страшное осталось позади, и привычные занятия снова вытеснят из головы вопросы.

Он попытался вспомнить голос девочки. Она не произнесла его имени и не называла себя. Он слышал лишь одно слово, просьбу отпустить, и почему-то был уверен, что обращались именно к нему. Не к сильным жрецам, не к страже, не к матери. К мальчику, которому велели отвернуться.

В какой-то момент за дверью послышались шаги. Вошла его старая няня, госпожа Рута, в грубой тёмной шали. Она принесла молоко, но не стала ставить его на стол, пока не убедилась, что Кайрен смотрит на неё.

— Вам велели ничего не спрашивать, — сказала она.

— А вам?

— Мне велели не отвечать.

— Значит, мы оба можем помолчать.

Рута поставила чашку рядом с ним и опустилась на стул. Она была невысокой, с сильными руками прачки, которая всю жизнь стирала дорогие ткани других людей. На запястье у неё виднелась старая клятвенная отметина. Кайрен впервые обратил на неё внимание.

— Она тоже болит? — спросил он.

Няня спрятала руку в складках шали.

— Иногда. Когда требуется сделать то, чего не хочется.

— А если сказать, что не хочешь?

Она долго смотрела в окно.

— Тогда боль становится сильнее, мой мальчик.

Он протянул ладонь и осторожно коснулся её пальцев. Ему хотелось пообещать, что когда-нибудь он сделает всё иначе, но обещания казались слишком большими и торжественными для тесной комнаты. Вместо этого он придвинул ей чашку молока. Рута улыбнулась впервые за вечер.

Позже он уснул прямо на подоконнике, а утром обнаружил себя в постели. Рисунок птицы исчез, но на пальце осталась чернильная полоска. Она была доказательством не того, что он видел девочку, а того, что он сам пытался сохранить память. Это казалось почему-то важнее всего.

На следующее утро всем обитателям дворца сообщили, что в нижней часовне произошёл несчастный случай с испытательным заклинанием. Было приказано забыть увиденное. В доме,

где истинное имя человека можно было запереть в серебряной шкатулке, забывать умели прекрасно.

Кайрен не забыл ни тряпичную птицу, ни голос, ни глаза девочки.

Через двадцать лет он узнает их снова.

ГЛАВА 1

ИМЯ НА ХЛЕБНОЙ КОРКЕ

В Астере можно было умереть от голода, держа в кармане золото. Для покупки хлеба требовался жетон, для жетона — запись в городском перечне, а для записи — зарегистрированное имя. Любой порядочный человек получал его при рождении. Людям вроде Лиоры приходилось полагаться на милость пекарей и ловкость собственных пальцев.

— Я ничего не взяла, — сказала она, когда толстый торговец ухватил её за запястье.

— Тогда что у тебя под плащом?

— Чудовищное разочарование в людях.

Плащ был стар и изорван по подолу. Под ним действительно лежали две булки, одна краюха сыра и свёрток лечебных трав. Но Лиора не собиралась признаваться в этом человеку, который вчера выбросил хлеб с плесенью вместо того, чтобы отдать его детям на Нижней улице.

Торговец поднёс к её лицу медную пластину с вырезанными на ней буквами. Магическая печать дрогнула, собираясь остановить воровку. Обычно она приковывала нарушителя к мостовой на час, пока не придёт городская стража.

Печать погасла.

— Опять? — прохрипел торговец.

— Похоже, ваши дорогие железки меня не любят.

Лиора вывернулась, оставив у него в руке кусок рукава, и побежала между лавками. Ветер ударил в лицо запахом мокрого камня и корицы. Она перепрыгнула через корзину с гранатами, услышала вслед проклятие, свернула под арку, где стоял фонтан без воды, и только там позволила себе остановиться.

Под чёрной крышкой перевёрнутой телеги прятался Иво. Худющий мальчишка с большими ушами и вечными царапинами на коленях приподнял голову.

— Ты взяла сладкую?

— Взяла обычную. Сладкая нынче за смелость, а не за деньги.

Она отломила ему половину булки. Он принял подарок с таким благоговением, словно ему подали королевскую печать.

— Тётя Марта говорила, что ты однажды доиграешься.

— Тётя Марта говорила ещё, что ты должен мыть уши.

Марта умерла минувшей зимой. Уже полгода Лиора ловила себя на том, что почти каждый день мысленно спорит с женщиной, подобравшей её когда-то у старой башни. Марта дала ей кров, научила зашивать раны, читать вывески и смеяться так, чтобы страх не превращался в единственное чувство. Она же придумала имя — Лиора, «та, что приносит свет», хотя сама Лиора считала такую выдумку довольно нелепой.

— Ты сама-то ела? — спросил Иво.

— Пока нюхаю. Я ведь благородная особа, питаюсь ароматами.

Они сидели под телегой, пока над рынком загорались фонари. Их зажигали не люди, а городская магия: ровное синеватое пламя просыпалось на медных столбах одновременно. В богатых кварталах этот свет был тёплым и золотым. На Нижней улице — тусклым, будто кому-то не хватало силы поддерживать огонь.

Иво, заметив её взгляд, вдруг спрятал руки.

— Что? — спросила Лиора.

На его запястье виднелась свежая красная полоса: след долговой печати.

— Хозяйка прачечной сказала, что за работу заплатит завтра. А за сегодняшнюю еду записала долг.

— Сколько?

— Две недели.

Лиора выругалась. Прачечная брала у детей по полдня жизни за каждую просроченную оплату. В городе это называлось законным перераспределением магического обеспечения.

— Завтра я схожу к ней.

— Она закроет тебя печатью.

— Пусть попробует.

Иво смущённо улыбнулся. Он не мог знать, что Лиора боится вовсе не печатей. Она боялась остаться одна среди миллионов людей, каждый из которых хотя бы знал, кем родился.

В тот вечер Лиора задержалась у пустой рыночной площади. На прилавках остались смятые капустные листья и горсть просыпанной крупы; дворники собирали их метлами и сердито отгоняли детей. По закону всё, что касалось городской мостовой, принадлежало казне, даже если час назад предназначалось на выброс. Лиора знала этот закон наизусть. Марта заставила выучить его после того, как городская стража едва не отправила двенадцатилетнюю девчонку на исправительные работы за два подгнивших яблока.

«Незнание не спасает, девочка. Но знание иногда даёт время убежать», — говорила Марта, привязывая к запястью Лиоры узкую полоску красной ткани. Красный в тумане был виден лучше серого. Если они терялись в толпе, нужно было держать руку повыше.

Теперь полоска лежала в кармане. Ткань давно выцвела, края осыпались. Лиора носила её как память о чужой упрямой любви — единственной, которая не требовала от неё доказательств происхождения.

Из переулка вышла женщина с двумя корзинами. На её ладони поблёскивала свежая отметина временного долга. Она пыталась поднять корзину на ступеньку, но нога подогнулась. Лиора машинально подхватила тяжёлую ручку.

— Спасибо, милая, — выдохнула женщина, а затем разглядела её старый плащ. — Ты ведь Мартина?

— Была.

— Она мне однажды шила подкладку. Взяла вместо платы несколько морковок и сказала, что богачу и тому пригодилась бы такая цена, чтобы вспомнить вкус труда.

Лиора улыбнулась. Это было похоже на Марту: сварливую, прямую, добрую именно тогда, когда никто не видел.

— Как вас зовут? — спросила она.

Женщина замялась. Настоящий вопрос в Астере часто был опаснее ножа.

— Веда. Так меня зовут дома.

— Значит, Веда. Помочь донести?

Они шли вместе до узкой лестницы, где пахло влажной древесиной. Веда рассказала, что её муж устроился в мастерскую фонарей, но долг мужа записали на обоих. По мере рассказа она всё время поглядывала на Лиору, будто ждала, что та начнёт советовать смириться.

— Я не могу вам заплатить, — сказала женщина у двери.

— Я не предлагала вам счёт.

— Тогда зачем?

Лиора хотела ответить шуткой и не смогла. Она вспомнила, как Марта в последние недели болезни всё ещё спрашивала, хватило ли дров соседям. И как страшно было Лиоре впервые понять, что никто не придёт проверить, ела ли она сама.

— Чтобы кто-нибудь хоть иногда нёс чужую корзину, — ответила она.

Веда неожиданно обняла её. От женщины пахло луком, дешёвым мылом и дождём. Лиора застыла, не умея принимать благодарность, потом неловко обняла её в ответ. На несколько мгновений город перестал казаться бесконечной машиной, которая знает только чужие долги.

Когда Веда скрылась за дверью, Лиора снова потрогала красную ленточку в кармане. Она не знала, сколько ещё сможет жить случайными заработками и воровством. Но совершенно

точно знала: если однажды у неё появятся деньги и власть, она не станет отводить глаза от таких людей, как Веда.

На обратном пути Лиора остановилась возле закрытой школы. Здание когда-то принадлежало городу; теперь над дверью висело объявление, что обучение без регистрационного жетона запрещено. За окнами стояли пустые столы. Девочка с рыжими косичками рисовала мелом на нижней ступени буквы, увиденные на вывесках магазинов.

— Что пишешь? — спросила Лиора.

— Своё имя, — ответила девочка и тут же прикрыла надпись ладонью. — Только никому не говорите. Мама сказала, его могут забрать.

Лиора присела рядом. Буквы были выведены неровно, и одну девочка написала зеркально. Она не стала исправлять ошибку.

— А как ты хочешь, чтобы тебя звали?

— Рина. Мама зовёт меня Риной, когда не сердится.

— Красивое имя.

— Но у меня нет жетона. Учитель сказала, что без жетона я не могу учиться читать.

Лиора достала из кармана кусочек угля и написала рядом на камне простую букву. Девочка повторила. Потом ещё одну. Они просидели на ступени до тех пор, пока за крышами не загорелись первые вечерние фонари. Рина ошибалась, сердито вытирала ладонью чёрную пыль и начинала заново. Лиора обнаружила, что объяснять простые вещи гораздо труднее, чем убегать от стражи.

— Значит, ты учительница? — спросила девочка.

— Ни в коем случае. Я не умею вести себя спокойно и иногда ругаюсь на буквы.

— Мне нравится, как ты ругаешься.

Лиора рассмеялась. Потом вспомнила Марту, которая в таких случаях давала ребёнку хлеб и ругала взрослого, придумавшего глупое правило. В кармане оставалось ещё немного еды; Лиора протянула девочке половину булки.

— Приходи сюда завтра, — сказала она. — Если я смогу, покажу ещё несколько букв.

— А если не сможешь?

— Найдём кого-нибудь, кто умеет. В городе должно быть больше одного человека, способного написать имя.

Рина важно кивнула. Она стёрла мел со ступени, чтобы стража не ругалась, но перед уходом снова написала своё имя — на внутренней стороне ладони. Лиора подумала, что бумагу можно отнять, а желание учиться куда труднее. И запомнила эту девочку, хотя тогда ещё не знала, что однажды откроет мастерскую, в которой ей не понадобится спрашивать ни о жетоне, ни о происхождении.

Уже поздно вечером она пошла к дому над заброшенной красильней. Дождь начался внезапно. На узкой лестнице, ведущей к её чердаку, стояла женщина в сером шёлковом платье и сухих перчатках. Дождевые капли скользили вокруг незнакомки, не касаясь ткани.

— Лиора, — сказала она так, будто произносила слово, давно лежавшее на языке.

— Зависит от того, кто спрашивает.

— Меня зовут леди Селена Арден. Я пришла предложить вам работу.

Лиора оглядела дорогие сапоги, белое кружево у горла и экипаж на улице. Здесь такие экипажи не останавливались даже во время пожаров.

— Воровство в семьях знати теперь называют работой?

— Иногда. Но мне нужно кое-что более утончённое.

Женщина отступила, освобождая проход.

— Мне нужно, чтобы вы стали моей племянницей.

ГЛАВА 2

ЧУЖОЕ ЛИЦО

Комната Лиоры не имела ничего общего с помещениями, в которых обычно принимали благородных дам. Одна ножка у стола была обмотана проволокой, у печи в корзине спал чёрный кот с порванным ухом, а сквозь щель в окне дул ветер.

Леди Селена всё это заметила, но даже не поморщилась. Она положила на стол бархатный футляр и раскрыла его. Внутри лежала цепочка с фамильным знаком Арденов: серебряная ветвь, обвивающая звезду.

— Моя племянница Мирель должна выйти замуж через тридцать два дня, — сказала она. — Брак назначен указом королевского совета. Мирель исчезла.

— Значит, объявите о пропаже.

— Тогда её наследство перейдёт короне. А наш род лишится права участвовать в Хранении Истока.

Лиора усмехнулась.

— Не слишком ли серьёзная беда для женщины, которая пришла к человеку без приличных сапог?

— Мне сказали, вы умеете притворяться. И что магические проверки на вас не действуют.

— Кто сказал?

Селена слегка склонила голову, словно вопрос был неуместным.

— Вы будете представляться Мирель Арден до церемонии. После свадьбы получите деньги и сможете исчезнуть. У нас есть способ разорвать брачный договор, не привлекая внимания.

— Как много денег?

Селена назвала сумму. Лиора невольно пересчитала её в лекарства для Нижней улицы, дрова на зиму и возможность выкупить долговые печати всех детей у прачечной. Получалось больше, чем она могла представить за всю жизнь.

— Жених знает? — спросила она.

— Он редко интересуется желаниями людей, на которых собирается жениться.

— Утешительно.

— Кайрен Вальтерис — глава дома Вальтерисов. Его имя вы, разумеется, слышали.

Слышала. Если верить сплетням, Кайрен приказал казнить собственного наставника, когда тот попытался оспорить его право на наследство. А ещё у него была невеста, бесследно исчезнувшая за неделю до свадьбы. На рынке уверяли, что её кровь до сих пор проступает на мраморе дворца.

— Нет, — сказала Лиора. — Найдите девушку с настоящим дворянским воспитанием и склонностью к самоубийству.

Селена закрыла футляр.

— Мне также известно о долге мальчика по имени Иво.

В комнате стало тихо. Даже кот перестал шуршать во сне.

— Не приближайтесь к нему.

— Я не причиню ему вреда. Напротив, его долг исчезнет сразу после вашего согласия. Как и долги ещё тридцати двух жителей Нижней улицы.

— Вы давно за мной следите?

— Достаточно.

Лиора подумала о Марте, которая всегда говорила: страшнее людей, продающих что-либо за деньги, бывают люди, покупающие чужое согласие добрыми делами. Уходить было нельзя. Но и позволить этой женщине распоряжаться судьбой Иво она не могла.

— Долги должны исчезнуть до моего приезда во дворец. И я хочу увидеть подтверждения. Никаких заклинаний на детях, никаких обманных списаний.

Впервые за весь разговор глаза Селены блеснули одобрением.

— Вы быстро учитесь торговаться.

— Здесь этим заменяют образование.

Когда леди Селена наконец вышла, Лиора несколько минут сидела неподвижно. В комнате пахло чужими духами — сухой розой и чем-то металлическим. На столе остался футляр с серебряной ветвью. Изящный знак казался безобидным, пока не вспоминалось, сколько людей готовы ради него лгать.

Чернильник, старый чёрный кот, выбрался из корзины, обнюхал футляр и чихнул. Лиора подняла его на колени.

— Ты бы согласился стать графом? — спросила она. — В обмен на ежедневную рыбу и строгое расписание поклонов.

Кот зацепил когтем рукав и попытался устроиться удобнее.

— Вот и я думаю, что сомнительная честь.

Она открыла нижний ящик стола. Там лежали две Мартины иглы, изогнутые ножницы и узкая тетрадь с записями расходов. Марта даже смертельно больная делала пометки: кому отдать пальто, какую пуговицу заменить, кто из соседей нуждается в лекарстве. На последней странице среди кривых строчек было написано: «Если однажды тебе предложат лёгкую жизнь, спроси, почему её не взяли себе».

Лиора перечитала эту фразу трижды. Затем схватила плащ и побежала на Нижнюю улицу.

В прачечной Иво мыл котлы. Рукава засучены, лицо серое от усталости. Хозяйка не позволила ему выйти, и Лиора, не желая устраивать драку прежде времени, разговаривала с ним через распахнутое окно.

— Уедешь? — спросил мальчик, когда она рассказала о предложении.

— На какое-то время. Но я потребовала, чтобы долги списали.

Он опустил голову. В темноте не было видно глаз, только тонкую шею и слишком большие рукава.

— Не надо из-за меня идти туда, где тебе плохо.

— Ты теперь будешь меня воспитывать?

— Марта говорила, что ты иногда думаешь ногами, — возразил Иво. — Сначала куда-то бежишь, а потом удивляешься, что впереди стена.

Лиора ощутила внезапную боль. Ей хотелось рассердиться на мальчишку за точность, но вместо этого она рассмеялась.

— Значит, придётся научиться замечать стены заранее.

— А если там окажется дверь?

— Проверю, не запирается ли она снаружи.

Иво задумчиво провёл пальцем по подоконнику.

— Ты вернёшься?

Вопрос прозвучал так просто, что Лиора едва выдержала его. Она не могла обещать того, в чём не была уверена. В Астере обещания нередко превращались в настоящие оковы, особенно если их произносили при свидетелях. Но мальчик ждал не магического договора.

— Я постараюсь, — сказала она. — И буду писать, если научусь отдавать письма так, чтобы их не читали чужие люди.

Он кивнул. На лице появилось взрослое, неуместное выражение человека, который уже слишком часто слышал слово «постараюсь».

Возвращаясь домой, Лиора заметила карету Селены у конца улицы. За зеркальным стеклом мелькнул бледный овал лица. Дама наблюдала. Это не было заботой о будущей невесте. Так следят за замком, который собираются открыть чужим ключом.

Лиора стиснула красную ленту в кармане и впервые ясно подумала: если она поедет, то будет искать не только выход для себя. Она выяснит, что случилось с девушкой, на место которой её ставят.

Перед рассветом Лиора раскладывала на столе вещи, которые возьмёт с собой: две Мартины иглы, красную ленту, ножницы и небольшой кусочек мыла. Всё остальное можно было оставить. У неё не было драгоценностей, писем от родителей или книг, которые нельзя заменить. Это одновременно облегчало сборы и делало их невыносимо печальными.

Чернильник наблюдал за ней с подоконника. Когда она засунула последнюю вещь в узел, кот взобрался прямо на него и всем видом заявил, что тоже относится к необходимому имуществу.

— Ты туда не поедешь, — сказала Лиора. — Там будут дорогие ковры, и тебя обязательно начнут воспитывать.

Кот распахнул пасть в беззвучном зевке.

Она решила оставить ему миску, хотя сама знала, как быстро вода покрывается пылью. Затем спустилась к соседке и попросила заходить хотя бы раз в день. Та потребовала плату, но согласилась, когда Лиора предложила чинить ей обувь после возвращения. Ещё один долг, подумала она; пока добровольный и понятный, без магических знаков.

На столе лежала история рода Арденов, которую дала Селена. В ней всё было красиво: семь поколений мудрых держателей, щедрые пожертвования городу, браки, заключённые ради мира. Ни одного упоминания об исчезнувшей Эстель, хотя ей полагалось занимать почётное место среди наследников. Лиора открыла страницу о младшей племяннице. Там Мирель называли «необычайно кроткой». Ни единого личного воспоминания, ни любимого занятия, ни письма. Будто живую девушку заранее превратили в удобную фигуру церемонии.

Лиора взяла пустой лист и написала вопросы, которые хотела бы задать Мирель, если когда-нибудь встретит её: чего та боялась; почему убежала; умела ли смеяться; любила ли своё имя. Список получился слишком длинным, и Лиора спрятала его между страницами тетради.

Перед тем как лечь, она снова посмотрела на собственные ладони. Шрамы от игл и ножниц были единственными знаками, которые никто не мог отнять по приказу. Она не знала, что обнаружит в богатом доме, но решила сохранить хотя бы привычку задавать вопросы — даже если все вокруг будут называть её чужим именем.

На следующий день за Лиорой приехала карета с зеркальными окнами. В доме Арденов её вымыли в медной ванне, подстригли неровные кончики каштановых волос, обработали трещины на ладонях и велели сидеть прямо. Две горничные с выражением глубокой скорби пытались объяснить, почему нельзя есть грушу прямо с кожурой.

— Если снять её, груша станет другой? — спросила Лиора.

— Благородные дамы не задают подобных вопросов, — ответила старшая горничная.

— Это объясняет многое в устройстве королевства.

Настоящая Мирель, по словам Селены, была тиха, стеснительна и воспитанна. На левой лопатке у неё имелся шрам в форме полумесяца. Селена наложила на кожу Лиоры слабую иллюзию, но та продержалась меньше минуты и осыпалась серебряной пылью.

— Странно, — прошептала женщина.

— Я предупреждала.

— Тогда вы не должны позволять никому видеть вашу спину.

Селена вручила ей пергамент с историей рода Арденов, расписанием церемонии и списком имен, которые полагалось знать наизусть. В конце стояла приписка: «Не пытайтесь узнать истинное имя Кайрена».

— А если он спросит моё?

Женщина долго молчала.

— Скажите, что оно хранится у рода. Во время свадьбы я предоставлю необходимую печать.

— Но у меня нет истинного имени.

— У каждого оно есть.

— У меня его никогда не находили.

Селена резко захлопнула папку.

— Значит, не позволяйте никому выяснить почему.

Ночью Лиора спала в чужой постели, не снимая подаренного мягкого платья, потому что боялась, что утром кто-нибудь придёт и потребует вернуть даже рубашку. Ей снилась маленькая тряпичная птица и большой колокол. Проснувшись, она не могла вспомнить, откуда взялся этот сон.

ГЛАВА 3

ХОЗЯИН ДОМА ВАЛЬТЕРИС

Дворец стоял на северной террасе Астеры, там, где воздух был чище и почти не чувствовался запах горелого масла из нижних мастерских. Его башни были не белыми, как на рисунках, а серовато-зелёными, словно камень впитал в себя множество дождей. Над входом висел серебряный герб — семь сомкнутых колец.

Лиора вышла из кареты, крепко сжимая перчатки. Она не привыкла к вещам, которые бесполезны и при этом стоят дороже месячной платы за комнату.

В холле её встретил седовласый управляющий.

— Леди Мирель. Господин ждёт вас в западной гостиной.

— А если я не готова?

— Господин всё равно ждёт.

В гостиной было прохладно. Высокие окна выходили на сад из тёмных кипарисов, в камине горело зеленоватое магическое пламя. Мужчина стоял возле стола, заваленного документами. На нём не было ни драгоценностей, ни церемониального плаща — только тёмная рубашка, застёгнутая у горла, и узкие серебряные манжеты.

— Вы опоздали на девять минут, — произнёс он, не поднимая головы.

— А вы начали разговор без приветствия. У каждого свои недостатки.

Он взглянул на неё.

У Кайрена Вальтериса были тёмные волосы, аккуратно зачёсанные назад, резкие черты лица и серые глаза, в которых не отражалось каминное пламя. На вид ему было чуть за тридцать. Красивым его можно было назвать только при условии, что красота допускает опасность.

Несколько мгновений они молчали. Лиора с неприятным удивлением обнаружила, что мужчина смотрит не на её платье и не на лицо, а как будто сквозь неё.

— Мы знакомы? — спросила она.

Он подошёл ближе.

— Вы не Мирель Арден.

Её сердце пропустило удар, но лицо осталось спокойным.

— Вам следует предупредить леди Селену. Она очень расстроится.

— Мирель боялась высоты. Вы, входя, первым делом оценили окно и расстояние до садовой стены. Кроме того, у неё были светлые волосы.

— У девушек волосы иногда меняют цвет.

— А глаза?

— Зависит от освещения.

Кайрен задержал взгляд на её глазах: серо-зелёных, с тонкими золотистыми крапинками вокруг зрачка. Его лицо едва заметно изменилось — так человек реагирует, услышав знакомую мелодию, которую считал забытой.

— Кто вас прислал?

— Ваша будущая родственница.

— Вы понимаете, что подмена невесты — преступление против короны?

— Примерно настолько же серьёзное, как упрекать невесту в девяти минутах опоздания?

Он не улыбнулся. Вместо этого поднял руку, и воздух между ними уплотнился, сложившись в прозрачную решётку. Лиора вздрогнула от неожиданности. Прутья коснулись её пальцев и рассыпались светом.

Кайрен опустил руку.

— Любопытно.

— Мне тоже. Вы часто так приветствуете гостей?

— Назовите ваше истинное имя.

— Нет.

— Я могу приказать.

— Приказ от этого не станет исполненным.

Уголок его рта дрогнул. Не совсем улыбка — скорее признание достойного ответа.

— Зачем вы здесь?

Она вспомнила Иво, влажные стены Нижней улицы и сестру травницы, которая умерла потому, что не смогла оплатить лечение. Она могла солгать про любовь или семейную честь. Но мужчина, вероятно, услышал бы враньё.

— За деньгами, — сказала Лиора. — Большими. И ещё потому, что кому-то было очень нужно, чтобы я согласилась.

Кайрен сел на край стола.

— По крайней мере, вы не изображаете жертвенную овечку.

— А вы, вопреки слухам, пока никого не убили.

Он стал неподвижен.

— Какие именно слухи?

Лиора пожалела о сказанном, но отступать было поздно.

— О вашей первой невесте.

В комнате словно похолодало.

— Никогда не используйте чужое несчастье как оружие, — тихо произнёс Кайрен. — Вы ещё не знаете, чью рану можете задеть.

Он повернулся к двери и велел управляющему разместить гостью в восточном крыле. Лиора уже взялась за ручку, когда услышала:

— Как вас зовут на самом деле?

Она обернулась.

— Лиора.

Он повторил имя почти беззвучно.

— Лиора. Не выходите ночью в старую часть дворца. Там двери помнят больше, чем люди.

— Это угроза?

— Предупреждение.

После разговора с Кайреном Лиору провели через длинный переход, в котором окна были закрыты мутным стеклом. На подоконниках стояли керамические чаши с чёрной солью. Чаши тихо звенели, когда мимо проходила прислуга, и умолкали при появлении высокородных гостей.

— Для чего они? — спросила Лиора у седого управляющего.

— Проверяют верность дома, леди Мирель.

— Соль? Какая предусмотрительность. Я обычно проверяю людей по тому, возвращают ли они взятую иголку.

Управляющий не улыбнулся. Он указал на дверь её комнаты и сообщил, что чай будет подан через четверть часа. Лиора дождалась, пока его шаги стихнут, и вернулась к ближайшей чаше. Коснулась края одним пальцем. Звон раздался вновь, но теперь она услышала в нём слабое человеческое дыхание, похожее на звук сна за тонкой стеной.

Её передёрнуло. Она убрала руку и поспешила прочь.

В соседнем коридоре девушка в сером форменном платье тщетно пыталась поднять стопку тяжёлых простыней. Самый верхний свёрток упал. Лиора подхватила его прежде, чем ткань коснулась пола.

— Вы не должны, леди, — испугалась девушка. — Это работа служащих.

— А я, надо полагать, должна смотреть, как вы валитесь вместе с простынями?

— За такую помощь могут наказать нас обоих.

Лиора посмотрела на неё внимательнее. Девушке было от силы шестнадцать; на шее едва заметно мерцал тонкий серебряный обруч — не украшение, а клятва прислуги.

— Он больно сжимает? — спросила Лиора.

Та быстро прикрыла ворот рукой.

— Когда ошибаюсь. Иногда и когда не ошибаюсь. Не говорите никому, пожалуйста.

Лиора запомнила её лицо, веснушку возле губы и тонкую косу. Девушку звали Сана. По пути в комнату Лиора поймала себя на странном желании немедленно прийти к Кайрену и потребовать ответа. Но она ещё не знала, кому принадлежат эти обручи и может ли он их снять. Слишком просто было превратить чужую беду в оружие собственной правоты.

Перед ужином Сана принесла графин воды. Лиора попросила её назвать любимое блюдо. Девушка уставилась на неё, как на непонятный фокус.

— То, что вы пожелаете заказать, леди.

— Я спрашиваю о том, что нравится вам.

Сана помолчала, затем шепнула:

— Печёные яблоки. С корицей. Мать делала их осенью.

— Вот и прекрасно. Если дом настолько богат, пусть научится печь яблоки хотя бы для своих людей.

Позже Лиора долго стояла у окна гостевой комнаты. В саду горели огни, освещая безукоризненно подстриженные дорожки. Внизу, далеко за стеной, тянулся город, где Иво сегодня, вероятно, снова ложился голодным. Две половины Астеры были соединены мостами, но между ними пролегало нечто более непреодолимое, чем река.

Она не знала ещё, поможет ли ей Кайрен или станет следующим человеком, с которым придётся бороться. Но решила, что в этом доме будет смотреть не только на хозяина. Дворцы прежде всего выдавали себя тем, как обращались с людьми, которых принято не замечать.

Тем же вечером Сана снова прошла по коридору, неся пустой поднос. Услышав голоса за дверью Лиоры, она остановилась. Никто ещё не спрашивал о её любимой еде так, будто ответ может что-то значить. Во дворце существовали десятки правил, касавшихся даже того, с какой стороны слуга должен обходить магистра. Не было только правила, позволявшего ему хотеть чего-то для себя.

На служебной лестнице её догнал старший лакей. Он заметил, что Сана слишком долго задерживается возле гостевых комнат, и предупредил: для новых служанок любопытство заканчивается лишением месячного жалованья. Девушка кивнула и побежала вниз. Но прежде чем войти в кухню, коснулась своего обруча. Серебро всё ещё было холодным. Она не знала, станет ли новая невеста союзницей или очередной дамой, которая проявляет доброту только при свидетелях.

В комнате Кайрен в это время просматривал донесение о подмене. В нём были сведения о жизни Лиоры — её комнате над красильней, умершей приёмной матери, долгах мальчика по имени Иво. Краткие фразы выглядели сухими и почти безличными. Он поймал себя на том, что задержался над словами «привязанность к соседским детям». В досье это было указано как уязвимость, которую при необходимости можно использовать.

Кайрен взял перо и перечеркнул строку. Затем велел Ренату выяснить, кто из служащих совета составлял справку. Не для того, чтобы наказать Лиору за сокрытие происхождения. Его тревожило, насколько подробно неизвестные люди изучили ту часть её жизни, о которой она говорила с такой болезненной сдержанностью.

— Она опасна? — спросил Ренат.

— Не знаю.

— Тогда почему оставляете её?

Кайрен вспомнил, как девушка вскинула голову, когда он назвал её самозванкой. Ни один настоящий придворный не позволил бы себе такой дерзости, не просчитав предварительно все

последствия. Но он увидел в её взгляде не желание занять чужое место, а страх вновь оказаться человеком, которому нельзя даже высказаться.

— Потому что она тоже не знает, во что её втянули, — ответил он.

Ренат ушёл, а Кайрен ещё долго сидел над перечёркнутым досье. Его жизнь научила защищать дом от чужих тайн. Он не ожидал, что однажды самым трудным окажется защитить чужую тайну от собственного дома.

Вечером в её комнате появилась молодая горничная по имени Тея. Веснушчатая, быстрая, с хитрыми глазами. Она принесла ужин, тёплую воду и маленькую вазу с веткой жасмина.

— Господин приказал поставить цветы, — сообщила Тея.

— Зачем?

— Сказал, что гостевая комната похожа на склеп. Мне кажется, это его способ извиниться.

Лиора коснулась лепестка.

У Марты на подоконнике рос жасмин, который цвёл даже зимой.

— Ты давно здесь работаешь? — спросила она.

— Семь лет. И знаете что? Господин страшнее всего, когда прав. А когда ошибается — совершенно невыносим.

Лиора рассмеялась. Впервые с приезда во дворец ей захотелось остаться хотя бы до утра.

ГЛАВА 4

ПЕРВАЯ ЛОЖЬ

На третий день во дворце устроили ужин для членов королевского совета. Лиора встала перед зеркалом в платье из тёмно-синего шёлка и с трудом узнала себя. Волосы собрали на затылке, выпустив два завитка у висков; чужие драгоценности тяжелили шею. Только ладони, несмотря на кремы, оставались знакомыми — исцарапанными и упрямыми.

— Я похожа на человека, которого можно продать за замок, — сказала она Тее.

— Вы больше похожи на человека, который потом этот замок подожжёт.

— Наконец-то комплимент.

В комнате для хранения праздничных скатертей Тея обнаружила Лиору, которая безуспешно пыталась разобраться с огромным рулоном серебряной ткани. Лиора собиралась починить порванный край, потому что заметила прореху при подготовке к ужину и по старой привычке не могла пройти мимо.

— Вас за такое могут отчитать, — предупредила Тея.

— За то, что я шью?

— За то, что вы взяли работу прислуги. Придворная невеста должна делать вид, будто ткань чинится сама собой.

Лиора рассмеялась и протянула горничной свободный конец скатерти. Они устроились на узкой скамье, стараясь не запутаться в длинных складках. За стеной работали повара; пахло печёными яблоками и жареным луком.

— Мне здесь всё кажется ненастоящим, — призналась Лиора. — У людей меняются лица, когда входит Кайрен. Все следят за тем, как я держу вилку. А когда я говорю что-то обычное, они оглядываются, будто ждут, что посуда разобьётся.

— Так бывает у тех, кто долго жил рядом с магическими клятвами. Они забывают, что можно сказать что-то без последствий.

Тея потянула нить и показала Лиоре, как убрать перекос по краю. Вдруг послышались шаги. Обе застыли. В дверях появился Кайрен. Он посмотрел на разложенную серебряную ткань, на иглу в руках своей предполагаемой невесты и на испуганную горничную.

— Что здесь происходит?

— Государственное преступление против этикета, — сообщила Лиора. — Невеста зашивает скатерть.

Кайрен подошёл ближе, приподнял край ткани и увидел ровные мелкие стежки. На мгновение в его лице мелькнуло выражение, которого Лиора ещё не знала, — что-то похожее на растерянную нежность.

— Моя мать когда-то сама чинила вещи, — сказал он. — Только просила никому не рассказывать. Мне казалось это странным.

— А сейчас?

— Сейчас мне странно, что она должна была просить об этом.

Он отошёл, не приказав им прекратить работу. Тея выдохнула. Лиора вновь взялась за иглу, но её внимание осталось у открытой двери. Этот человек всё ещё пугал её властью и привычкой распоряжаться судьбами. И всё же иногда он говорил так, словно помнил о совершенно другом мире — мире простых человеческих вещей, которых нельзя купить титулом.

Большой зал освещали десятки стеклянных шаров, внутри которых плавали золотые искры. За столом собралось пятнадцать человек. Председатель совета, канцлер Морвейн, был высок, сухощав и совершенно сед. На его руках белели перчатки, хотя в помещении было тепло. Леди Селена сидела справа от него и не сводила с Лиоры глаз.

За первой переменой блюд Морвейн заговорил о порядке в городе.

— Приходится ужесточать взыскание долговых временных взносов. Нижние кварталы потребляют слишком много энергии при слишком малой отдаче.

Лиора, державшая серебряную ложку, медленно опустила её.

— Люди там потребляют главным образом хлеб. И то не всегда.

Разговоры стихли.

— Леди Мирель? — Морвейн улыбнулся. — Не ожидал от вас интереса к городскому хозяйству.

— Вероятно, он появился из-за моего знакомства с людьми.

Кайрен под столом едва заметно коснулся её запястья — короткое предостережение. Она почувствовала тепло его пальцев через тонкую ткань перчатки и раздражённо отдёрнула руку.

— Долговые взносы обеспечивают работу фонарей, лечебниц и защитных стен, — продолжил канцлер. — Цена за безопасность должна быть справедливой.

— Тогда почему платят одни и те же люди?

Кайрен поставил бокал.

— Хороший вопрос. Я направлял совету отчёт о неравномерности сборов. Видимо, бумаги потерялись.

Канцлер улыбнулся уже иначе.

— Мы рассмотрим его повторно.

Ужин продолжался ещё час. Между переменами блюд дворецкий менял огни над столом: сначала они светили янтарно, затем зеленовато, а к десерту стали холодно-белыми. Лиора подозревала, что и настроение гостей здесь можно было переключать так же просто. После разговора о долговых сборах мужчины принялись обсуждать весенний праздник, рост цен на шёлк и несчастья далёких провинций, не требовавшие личного участия.

Рядом с Лиорой сидела молодая вдова из дома Риан, леди Аделла. Она почти не разговаривала, только бесконечно перебирала жемчужины на браслете.

— Вы плохо себя чувствуете? — шёпотом спросила Лиора.

— Нет. Просто не люблю, когда обсуждают время, — ответила женщина. — У меня муж умер в тридцать три. Но по городским книгам ему было семьдесят восемь.

Лиора не сразу поняла смысл.

— Он отдавал свои годы?

— Его заставили поручиться за работников наших ткацких мастерских. Если рабочий не мог оплатить сбор, долг переходил владельцу. Муж считал это честным. Совет пересмотрел ставки задним числом, и поручительство стало смертным приговором.

— Почему вы ничего не сказали Морвейну?

Аделла горько улыбнулась и слегка приподняла браслет. На одной жемчужине оказался вырезан крошечный серебряный знак.

— Я давала вдовью клятву дому. Мне разрешено помнить о муже, но не обвинять тех, кто подписал расчёты.

В голосе её не было театрального отчаяния. Оно, вероятно, давно выгорело. Лиора почувствовала, как холодный зал становится тесным. Она вдруг осознала, что привычное представление о богачах тоже было слишком простым: среди них находились люди, которых богатство не спасало от собственного закона.

— Не обязательно обвинять их вслух, — сказала Лиора. — Иногда достаточно сохранить документы.

Аделла подняла глаза.

— Вы странная невеста, леди Мирель.

— Об этом мне сообщают почти каждый день.

— В таком случае будьте осторожны. Странности прощают, пока они развлекают.

После десерта Кайрен подошёл к столу, чтобы проводить гостей. Аделла поклонилась ему холоднее остальных. Он ответил тем же, но взгляд задержался на её браслете. Лиора заметила, как едва заметно напряглась линия его челюсти.

— Вы знали её мужа? — спросила она, когда они остались в стороне от стола.

— Он пытался изменить порядок поручительств. Я голосовал за его предложение. Его отклонили.

— И вы смирились?

Кайрен помолчал.

— Нет. Я подал второе. Потом третье. Каждый раз с менее заметными условиями. Несколько семей удалось вывести из взыскания. Остальным этого было недостаточно.

Лиора хотела сказать, что недостаточно и есть недостаточно. Но увидела, насколько устало он смотрит на пустеющий зал, и впервые заметила за его холодностью не одно презрение, а тяжёлую привычку переживать поражения без свидетелей.

— Аделла хранит письма мужа, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Но у неё вид человека, который предпочёл бы хранить доказательства, даже если не может ими воспользоваться. Попробуйте однажды спросить.

Кайрен долго смотрел на неё.

— Вы умеете разговаривать с людьми, которых не замечают остальные.

— Они обычно интереснее тех, кто так старается быть заметным.

Кайрен почти улыбнулся. Лиора уже собиралась последовать за ним к выходу из зала, когда заметила знакомую фигуру у лестницы. Вокруг продолжали звенеть бокалы, но ей казалось, что самые важные разговоры этого вечера происходят совсем не за столом совета.

На лестнице у балкона Лиора заметила ещё одну странность: два стражника сопровождали Морвейна, хотя канцлер официально считался гостем. Один стоял у двери в малый архив, другой — возле прохода к нижним помещениям. У каждого на шее мерцал знак, больше похожий на ошейник, чем на служебную печать.

Она задержалась у окна так, будто разглядывала сад. Молодой стражник с тревогой поглядывал на серебряную нить, проходившую над дверью. Стоило канцлеру приблизиться, нить натягивалась; стражник заметно бледнел.

Лиора подошла ближе.

— Вам нехорошо?

— Я на службе, леди.

— Замечательный ответ. От него, правда, не становится легче дышать.

Он попытался улыбнуться, но не успел. Из зала вышел Морвейн, и парень мгновенно выпрямился. Канцлер скользнул по Лиоре вежливым взглядом.

— Леди Мирель, вам, должно быть, непривычны придворные церемонии.

— Мне непривычно, когда у человека нет права сказать, что ему больно.

— Право и обязанность иногда трудно различить. Королевство держится на людях, способных исполнять долг.

— Люди держатся лучше, если им дают есть и спать.

Морвейн рассмеялся без всякого веселья.

— Вы мыслите очень просто. Это опасное качество для будущей супруги держателя.

Лиора не ответила. Ей не хотелось показывать канцлеру, насколько сильно он попал в цель: она действительно многое понимала слишком просто. Когда человеку больно, нужно убрать причину боли; когда голоден — накормить; когда боится — не требовать героизма. Но впервые в жизни она задумалась, почему все эти простые вещи кажутся правителям угрозой.

Когда Морвейн ушёл, молодой стражник выдохнул. Лиора не стала расспрашивать его о службе. Она лишь заметила, что через пятнадцать минут гостям подадут чай и можно попросить горячей воды. Он шёпотом поблагодарил её.

Позже, глядя из окна лестничного холла на светящиеся террасы, Лиора вспомнила его лицо. В Астере принуждали не только бедных. Одних заставляли отдавать годы, других — охранять сам механизм взыскания. Она всё ещё не знала, как устроена эта система, но теперь понимала, что у неё гораздо больше дверей и цепей, чем видно с Нижней улицы.

После ужина Лиора вышла на балкон, чтобы вдохнуть воздуха. Сердце билось слишком быстро. Она почти испортила весь план из-за собственной злости. За спиной послышались шаги.

— Вы либо исключительно смелы, либо не умеете вовремя молчать, — произнёс Кайрен.

— Обычно оба качества идут вместе.

Он встал рядом, опершись ладонями о каменные перила. Внизу Астера раскинулась слоями света. На высоких террасах горели золотые окна; Нижняя улица лежала под ними тёмным пятном.

— Почему вы вмешались? — спросила она. — Вы могли сделать вид, что не слышали.

— Потому что вы были правы.

— Это редко мешает людям оставаться равнодушными.

— Я не равнодушен. Но между желанием изменить закон и возможностью провести его через совет иногда лежит несколько кладбищ.

Она посмотрела на него. В темноте он казался старше.

— Вы говорите так, будто пытались.

— Пытался.

На миг у него на лице появилось выражение человека, перед которым однажды захлопнули дверь и оставили по другую сторону близкого человека.

— Вы действительно убили прежнюю невесту? — спросила Лиора гораздо тише, чем прежде.

Кайрен не ответил сразу.

— Нет. Но я не уберёг её от того, что должно было с ней случиться.

— Она умерла?

— Иногда человек исчезает так полно, что ответ перестаёт быть простым.

Лиора отвернулась. Далеко внизу медленно мигали фонари. Она вспомнила, как Марта однажды сказала ей: если над тобой есть крыша, это ещё не значит, что ты дома. Сейчас она стояла в роскошном дворце и знала это особенно хорошо.

— Скажите, Лиора, — произнёс Кайрен. — Когда вы спите, вам когда-нибудь снятся колокола?

Она резко обернулась.

— Откуда вы знаете?

Он побледнел. Ответа не последовало: из зала донёсся шум разбитого стекла. На балкон выбежала Тея.

— Господин! В восточном коридоре кто-то пытался открыть старую печать!

Кайрен стиснул перила.

— Оставайтесь здесь.

Лиора осталась. Ровно на три секунды.

ГЛАВА 5

ДВЕРЬ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

В восточном крыле пахло дымом и озоном. На лестнице стояли два стражника; по стене тянулась серебряная трещина, похожая на замёрзшую молнию. Где-то внизу женщина плакала, повторяя одно слово, которого Лиора не могла разобрать.

Она проскользнула мимо стражи под видом обеспокоенной невесты — титул неожиданно оказался полезным. Спустившись на два пролёта, увидела Кайрена. Он стоял перед дверью без ручки и держал ладонь на чёрной каменной плите.

— Я велел вам остаться, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я послушалась. Потом передумала.

Возле его ботинок лежала Тея, прижимая к груди обожжённую руку. Лиора опустилась рядом.

— Кто это сделал?

— Я… увидела мальчика, — выдохнула горничная. — Он сказал, что заблудился. Я пошла за ним, а он вдруг стал стариком. Я не могла вспомнить собственное имя. Господин успел…

Тея зажмурилась от боли. Лиора, не раздумывая, развернула её ладонь. Кожа была покрыта мелкими чёрными буквами. Они шевелились, словно насекомые.

— Не трогайте, — резко сказал Кайрен. — Это клятвенный ожог. Он перекинется на вас.

Лиора уже коснулась букв. Они поднялись с кожи Теи, обвили пальцы Лиоры серебряной нитью и исчезли. Больная рука побледнела, затем стала обычной. Тея всхлипнула от облегчения.

В коридоре наступила тишина.

— Как вы это сделали? — спросил Кайрен.

— Не знаю.

Впервые она сказала ему чистую правду, и от этого было страшнее, чем от всех предыдущих обманов.

Он помог Тее подняться и отправил её к лекарю. Потом взял Лиору за локоть и отвёл к стене.

— Вы понимаете, что сейчас произошло? Тот ожог должен был сжечь ваше имя до основания.

— Возможно, у меня его нет, — сказала она.

— Невозможно.

— Вы уже второй человек, который повторяет это с таким видом, будто я обязана исправиться.

Он не ответил. На мгновение его взгляд задержался на её лице, словно под знакомыми чертами проступило другое, давно утраченное лицо.

— Пойдёмте. Здесь опасно.

Но дверь за его спиной вдруг застонала, как живое существо. Из глубины камня донеслись двенадцать глухих ударов. У Лиоры похолодели руки. Она увидела — не глазами, скорее памятью — круглую комнату, девушку в белом и тряпичную птицу на полу.

«Отпусти».

— Вы слышали? — прошептала она.

Кайрен встал между ней и дверью.

— Что именно?

Она не успела ответить. На тыльной стороне его ладони зажёгся знак: семь золотых колец, стягивающихся к центру. Мужчина согнулся, словно ему ударили под рёбра. Лиора инстинктивно схватила его за плечи. В то же мгновение кольца погасли.

Кайрен поднял на неё ошеломлённый взгляд.

— Вы… остановили это.

Она чувствовала, как под тонкой тканью его рубашки быстро бьётся сердце. Он был намного ближе, чем требовали приличия. От него пахло дождём, древесным дымом и горькими травами. Лиора вдруг осознала, что не отпускает его.

— Как называется то, что с вами происходит? — спросила она.

— Долг дома Вальтерисов.

— И он вас убивает?

— Пока нет.

— Очень обнадёживающее «пока».

Он аккуратно отстранился. На его лице снова появилась привычная холодность, но голос звучал хрипло.

— С этого вечера вы не покинете дворец без моего разрешения.

— Вы думаете, я ваша пленница?

— Думаю, за вами пришли люди, которые умеют отнимать имена. И если они узнают, что вы сделали сейчас, вам не поможет даже бегство за границу.

— Вы могли бы рассказать мне правду вместо того, чтобы запирать.

Кайрен долго смотрел на неё. Потом произнёс:

— Я пытался однажды. Человек, которому я доверился, потерял всё.

Он ушёл, оставив Лиору перед чёрной дверью. И только поднявшись к себе, она заметила, что у неё дрожат руки. Не от страха перед незнакомцем, открывавшим печать. От другого: при прикосновении к Кайрену она услышала тихую, мучительную ноту, словно его сердце звенело внутри колокола.

В своей комнате Лиора обнаружила на запястье тонкую чёрную нить. Она не была похожа на обычную царапину. Стоило коснуться её, как перед глазами возникало лицо Теи, стиснувшей зубы от боли. Затем — Кайрен, падающий на колено перед запертой дверью. Оба воспоминания были слишком живыми, словно кто-то оставил внутри неё чужую часть этой ночи.

Она развязала волосы, смыла с лица пыль и попыталась согреть руки над камином. Нити всё не исчезали. В детстве Марта учила её отличать последствия обычного испуга от магических болезней: при испуге мир возвращался на место, когда рядом появлялся знакомый голос; магическая болезнь делала чужими даже знакомые предметы.

Лиора огляделась. Кувшин на столе оставался кувшином. Узор на покрывале — просто вышитой веткой. На окне белел горшок с жасмином. Значит, пока всё было в порядке. Только колокол внутри груди по-прежнему звучал.

Она выбралась в коридор и постучалась к Тее. Горничная сидела на краю кровати, укутанная в старый халат. На тумбочке стояла миска с мазью от ожогов; бинт лежал рядом, так и не понадобившись.

— Не спишь? — спросила Лиора.

— После того, как неизвестный старик вышел из маленького мальчика? Пока не пробовала.

Лиора села рядом. Они некоторое время молчали. Потом Тея призналась, что больше всего испугалась не чудовища, а того мгновения, когда перестала помнить собственное имя. Она знала, что должна позвать на помощь, но не помнила, как зовут её саму, и потому ей показалось, что обращаться к кому-то запрещено.

— Откуда человеку знать, что он существует, если у него отнимают даже это? — спросила Тея.

Лиора посмотрела на свои ладони. Она могла бы пошутить, что ей неоткуда знать, раз она сама живёт без зарегистрированного имени. Но Тея не нуждалась в шутке.

— Я бы узнала тебя, — ответила она. — Даже если бы ты забыла, как представляться. Ты бы всё равно пила чай обжигающе горячим и ругалась на ступеньку у окна. И прятала хлеб за занавеской для садового кота.

Горничная хмыкнула.

— Я думала, никто не замечает.

— Я замечаю неприятные привычки. Это мой талант.

Тея расплакалась, и Лиора обняла её. Девушка всхлипывала недолго, потом вытерла лицо рукавом.

— А вы? — спросила она. — Вам не страшно?

— Очень. Только если я начну бояться вслух, кто-нибудь обязательно предложит посадить меня под замок ради моего же блага.

— Господин, наверное, просто не умеет беспокоиться иначе.

Лиора вспомнила, как Кайрен заслонил её собой от двери, когда боль уже проступала на его лице. Никто не заставлял его этого делать. Возможно, его суровость была не только высокомерием, но и страхом снова потерять человека у себя на глазах.

Когда она вернулась, чёрная нить на запястье почти исчезла. Лиора положила руки на подоконник и разглядела луну, едва видную над башнями. Ей хотелось спросить у Кайрена о десятках вещей, но сильнее всех вопросов было желание убедиться, что он сам сумел заснуть.

Она не пошла к нему. Пока между ними оставалось слишком много чужих дверей.

Кайрен той ночью не зажёг огонь в кабинете. Он сидел у окна, прислушиваясь к шагам в коридоре. На столе лежали бумаги о последнем повреждении нижней печати и отчёт целителя. Тея не получила смертельного ожога, хотя по всем законам Свода должна была лишиться нескольких лет жизни. Девушка по имени Лиора коснулась запрещённых знаков и не просто уцелела — освободила другого человека от боли.

Он открыл старую тетрадь, спрятанную в запирающемся ящике. В ней с детства хранились сведения о той ночи в часовне. Больше всего на свете Кайрен боялся, что увиденные им глаза окажутся лишь плодом памяти. Теперь он видел их снова у девушки с непослушными волосами и обветренными руками.

Ренат постучался, когда часы пробили два раза.

— Совет требует объяснений, почему вы закрыли восточное крыло, — сообщил он.

— Напишите, что повреждена система освещения.

— Они узнают, что произошло.

— Тогда пусть узнают позднее.

Капитан положил на стол другую бумагу — список служащих, работавших у нижней двери. У половины сотрудников отсутствовали сведения о родных. Их нанимали после принудительного переоформления имён, и ни один не мог самостоятельно оставить пост.

Кайрен сжал лист так сильно, что бумага смялась. Он много лет утверждал, что держит дом в порядке. Но даже теперь не знал, кому именно причиняют боль его собственные стены.

— Я хочу видеть всех, кто охраняет нижний вход, — сказал он. — По одному. Без присутствия магистров совета.

— Они связаны клятвой молчания.

— Тогда не будем требовать признаний. Спросим о здоровье, выдадим жалованье, узнаем, кому нужна замена. Иногда человек начинает говорить, когда впервые чувствует себя не пленником.

Ренат смотрел на него с удивлением. Кайрен не привык объяснять свои распоряжения, но на этот раз сделал это намеренно. Он видел слишком много следов старых решений, принятых без свидетелей.

Когда капитан ушёл, мужчина снова подошёл к окну. Восточное крыло было темно. Он знал, что Лиора, скорее всего, не спит и винит себя за непослушание. Ему захотелось пойти

к ней, но он остановился. Она имела право на собственный страх, а не только на его защиту. Пока он умел уважать это право лишь ценой собственного беспокойства.

Этой ночью в её снах девочка уронила тряпичную птицу. На этот раз Лиора успела разглядеть её лицо.

Это было её собственное лицо.

ГЛАВА 6

ПРАВИЛА ИСКЛЮЧЕНИЯ

Утром Кайрен прислал ей список из девяти правил. Ни одно не было сформулировано вежливо. Лиора прочитала его за завтраком, взяла перо и рядом с первым пунктом — «Не покидать дворец без сопровождения» — приписала: «Сопровождающий обязан не храпеть». Напротив четвёртого — «Не прикасаться к предметам с клятвенными печатями» — поставила вопрос: «А как узнать, что они клятвенные, если они не представляются?» Девятый гласил: «Не доверять никому, кто назовёт своё истинное имя без просьбы». Она долго смотрела на эту фразу и не стала шутить.

— Вы знаете, что его светлость прочтёт замечания? — спросила Тея, подливая чай.

— На это и рассчитываю.

У горничной рука зажила бесследно, однако по ночам ей снился мальчик, который становился стариком. Лиора попросила разрешения поговорить с ней без свидетелей. Они устроились возле окна, где утром сквозь облака пробивалось тонкое солнце.

— Он сказал своё имя? — спросила Лиора.

— Да. Кажется, «Арен». Но когда я повторила его, стало темно. Помню, что перестала понимать, кто я. Я даже не знала, есть ли у меня мать.

Тея разрыдалась неожиданно для себя. Лиора обняла её. Она знала чувство, когда от воспоминаний остаётся только пустота, но не знала, что сказать человеку, который прежде всегда имел прошлое и вдруг на мгновение его лишился.

— Он больше тебя не тронет, — пообещала она, хотя уверенности у неё не было.

Кайрен пришёл после полудня. Увидев исписанный список, поднял бровь.

— Вы считаете происходящее забавным?

— Нет. Я считаю забавным то, как вы надеетесь управлять мною с помощью бумаги.

Он положил список обратно.

— В таком случае договоримся иначе. Вы задаёте три вопроса. На два я отвечаю. На третий — когда смогу.

— Почему три?

— Один уже потратили.

Она почти улыбнулась, потом вспомнила, что он умеет оставлять без ответа важное.

— Что такое Исток?

Кайрен подошёл к окну. С площади, далеко внизу, доносился звон колоколов.

— Задолго до основания Астеры люди могли обращаться к магии без родовых печатей. Она была повсюду: в воде, дыхании, земле. Затем семь домов заключили её в Свод — систему истинных имён и клятв. Взамен магия стала предсказуемой. Мы получили защитные стены, лечебные арки, урожаи без засух. Домам досталось право распределять силу.

— А остальным — право платить за неё?

— Да.

Он произнёс это без попытки оправдаться.

— Почему у вас на руке семь колец?

Он помедлил.

— Глава моего дома — один из держателей Свода. Пока он жив, система сохраняет устойчивость. Если печать повреждается, долг взыскивается с его тела.

Лиора вспомнила, как легко остановила боль, лишь прикоснувшись к нему.

— Вы можете отказаться?

— Это третий вопрос. — Он наконец посмотрел на неё. — Пока не могу ответить.

Кайрен протянул тонкую книгу в тёмном переплёте.

— Здесь изложены законы церемонии. Прочтите. Если решите уехать, я помогу вам избежать наказания за подмену.

— А леди Селена?

— Разберусь с ней сам.

Лиора раскрыла книгу. На первой странице золотом было выведено: «Ни один союз не крепче истинного имени, добровольно доверенного другому».

— Вы тоже хотите этой свадьбы? — спросила она.

— Нет. Но королевский совет назначил её, чтобы соединить права двух домов и вскрыть старое Хранилище. Я много лет пытался найти другой путь.

— И теперь позволяете незнакомке занять место невесты?

Он посмотрел прямо ей в глаза.

— Потому что впервые за много лет в этом дворце появился человек, на которого не действуют клятвы. Возможно, вы и есть другой путь.

После его ухода Лиора долго сидела с книгой. Она не любила, когда ею распоряжались, но ещё меньше любила, когда кто-то делал из неё надежду, не спрашивая согласия. Взять деньги и уйти теперь казалось слишком простым решением. Если можно было разорвать печати вроде той, что жгла руку Иво, она хотела научиться этому.

Перед вечерним чаем Лиора вновь раскрыла девять правил. На обратной стороне она принялась составлять свой ответ. «Господину Кайрену Вальтерису, пребывающему в печальном заблуждении относительно того, что его распоряжения обладают силой законов природы». После первой строки пришлось остановиться: писать серьёзно с таким началом было невозможно.

Она зачеркнула обращение и начала заново. Первым правилом стало: «Не распоряжаться моими встречами, если опасность не названа прямо». Вторым: «Не скрывать сведения о моём происхождении». Третьим: «Если человек ранен, помогать прежде, чем выяснять, кто виноват». Четвёртое она писала дольше: «Не считать моё согласие полученным только потому, что я не успела возразить».

К пятому пункту перо застыло. Наконец Лиора вывела: «Никогда не принимать решения о моей жизни без меня».

Кайрен появился у двери, когда она перечитывала список. Он остановился, увидев перо в руке.

— Полагаю, мне предъявлен судебный иск.

— Пока только предварительное соглашение. В нём меньше угроз, чем в вашем списке, но больше смысла.

Он взял бумагу, прочитал первые строки и уселся напротив. Долго смотрел на пятый пункт, затем положил лист на стол.

— Вы правы.

Лиора моргнула.

— Осторожнее. Если будете говорить такое часто, мне придётся пересмотреть мнение о вашем характере.

— Не обещаю повторить.

Он взял перо и рядом с пятым правилом поставил своё имя. Не истинное, не родовой знак, только обычные буквы: «Кайрен».

— Без магии, — пояснил он. — Любое обещание, данное под печатью, вы справедливо сочли бы ещё одним способом принудить вас.

Лиора с удивлением поняла, как много значат эти простые чернильные линии. Марту когда-то возмущали красивые клятвы: она уверяла, что лучше человек, который просто приходит в дождь с лекарством, чем тот, кто обещает осушить небо.

— А если вы нарушите? — спросила Лиора.

— Вы сможете об этом сказать. А мне придётся выслушать.

— Суровое наказание для вас.

— Безусловно.

Вечером к ней пришла Сана, та самая молодая служанка из коридора. На подносе лежали печёные яблоки с корицей. Сана сообщила, что распоряжение поступило из кухни, а на кухню — от управляющего. По её собственному обручу больше не проходили болезненные толчки: управляющий передал, что господин приказал пересмотреть наказания по служебным клятвам.

Лиора не стала спрашивать, сделал ли Кайрен это ради неё. Ей не хотелось превращать чужую свободу в доказательство того, что мужчина способен быть внимательным. Но яблоки она съела вместе с Саной, и обе девушки впервые за этот день смеялись без оглядки на служебные правила.

Перед сном Лиора положила своё соглашение в ящик. Она всё ещё не доверяла хозяину дворца. Зато впервые допускала, что человеку можно научиться доверять, если он не требует доверия заранее.

Перед ужином Оррин вынес из библиотеки деревянный ящик с картами. Лиора помогла поставить его на стол, и из щели выскользнул маленький лист, исписанный детским почерком. На нём была нарисована схема дворца, но вместо магических башен мальчик обозначил кухню, голубятню и лестницу, ведущую к старому пруду.

— Это карта Кайрена, — сказал Оррин, едва взглянув. — Составлена, когда ему было десять. Он собирался бежать из дома.

— Бежать? Из собственного дворца?

— Дети иногда замечают раньше взрослых, что красивые стены тоже могут быть клеткой.

Лиора осторожно развернула лист. На полях стояли смешные предупреждения: «Здесь громко скрипит», «Не ходить: строгая тётушка», «Под лестницей хранят булочки». Последняя надпись была обведена трижды.

— Полагаю, кража булочек удалась, — сказала она.

— По крайней мере, повар тогда жаловался на удивительно голодных мышей.

В дверях появился Кайрен. Увидев карту, он остановился так резко, словно его застали за гораздо более серьёзным преступлением.

— Я думал, её сожгли.

— Мы хранили всё, что вы рисовали, — отозвался Оррин. — Некоторые вещи казались достойнее памяти, чем ваши первые распоряжения совету.

Кайрен взял лист, долго рассматривал неровные линии и неожиданно показал Лиоре маленький крестик возле северной стены.

— Здесь есть калитка. Я проводил через неё потерявшихся котят к садовнику. Отец считал, что животным не место в доме.

— Значит, вы с детства пытались спасать тех, кого остальные не хотели замечать, — сказала Лиора. — Жаль, что позднее вам стали чаще доверять приказы, чем котят.

— Котята хотя бы не спорили с моими распоряжениями, — ответил Кайрен. — Впрочем, иногда просто уходили.

Оррин вернулся к работе, оставив их с картой. Лиора впервые увидела в строгом хозяине не наследника древних печатей, а мальчика, который искал тайный проход к булочкам и хотел спасти бездомных котят. Ей захотелось рассмотреть этот рисунок повнимательнее, но Кайрен свернул бумагу и попросил позволить оставить её у себя.

— Разумеется, — сказала она. — Только учтите: если выяснится, что потайная лестница ещё существует, я потребую экскурсию.

Он улыбнулся. С этого вечера между ними появилась ещё одна маленькая тайна, не опасная и не магическая, а смешная и удивительно тёплая.

Перед сном в дверь постучала Тея и принесла небольшой свёрток. Внутри лежали перчатки без пальцев, с мягкой подкладкой под ладонями.

— Его светлость велел передать. Сказал, вы всё равно будете лезть куда не следует. Пусть хотя бы кожа останется целой.

Лиора провела по ткани пальцем и почувствовала странное тепло в груди. Ей ещё никто не дарил вещи в расчёте на её недостатки, а не на то, что она должна стать другой.

Вскоре выяснилось, что пересмотреть служебные клятвы гораздо труднее, чем отдать приказ. В архиве нашлись десятки соглашений, составленных так, что любое изменение считалось нарушением долга держателя. Если освободить одного слугу без разрешения совета, взыскание могло перейти на остальных. Кайрен принёс бумаги Оррину и впервые попросил помощи не как глава дома, а как человек, который не знает, где скрывается ловушка.

Лиора присутствовала при разговоре. Она изучала договор Саны и обнаружила маленькую строку, написанную едва видимыми буквами: «Служба прекращается при взаимном согласии сторон либо в случае утраты способности выполнять обязанности». Вторая часть превращала болезнь в причину выбросить человека на улицу, первая давала крошечную возможность освободить его без разрыва магии.

— Вы можете согласиться на прекращение службы, — сказала она Кайрену. — Не всех сразу. Начните с тех, кто просит.

— Тогда они останутся без жилья и жалованья.

— Значит, предложите обычную работу. Без печати. Пусть решают сами, что лучше.

Оррин нашёл старую форму договора, действовавшую до усиления Свода. В ней перечислялись рабочие часы, плата и возможность уйти с предупреждением за две недели. Ни слова о праве хозяина получать силу служащего. Кайрен долго разглядывал лист, затем велел подготовить новые соглашения.

Когда Сана узнала, что может выбрать, остаться или уйти, она сначала решила, что это проверка. Трижды уточнила, не потеряет ли жалованье за отказ. Потом попросила неделю подумать и заплакала от неожиданной свободы, которая оказалась не безграничной радостью, а сложным решением.

— Я не знаю, чем хочу заниматься, — призналась она Лиоре.

— Тогда начни с того, что не обязана решать сегодня.

Лиора тоже удивилась собственным словам. Она привыкла действовать немедленно, особенно когда дело касалось спасения других. Но свобода, которую они собирались создать, должна была включать даже время на раздумье.

Позднее Кайрен сказал, что никогда прежде не видел, как человек плачет из-за права выбирать. Лиора ответила, что у него в доме слишком долго привыкали считать послушание признаком благополучия. Он не стал спорить. Впервые эта фраза показалась ему не обвинением, а точным описанием работы, которую ещё предстояло сделать.

ГЛАВА 7

БИБЛИОТЕКА С ПУСТЫМИ СТРАНИЦАМИ

Архивариус Оррин напоминал большого доброго филина: длинный нос, рассеянный взгляд и привычка засыпать над раскрытыми книгами. Услышав просьбу Лиоры показать старые брачные договоры, он сначала попытался отделаться каталогом. Потом увидел её неподдельный интерес и сдался.

— Самые любопытные вещи, леди Мирель, всегда хранят под замком, — сказал он, проводя гостью между стеллажами. — Поразительно, как много замков придумали люди, боящиеся собственной истории.

В библиотеке пахло пылью, кожей и сухой мятой. Книги помещались в шкафах высотой с двухэтажные дома; между ними передвигались лёгкие лестницы на колесиках. Некоторые полки светились изнутри. Оррин пояснил, что книги, запечатанные именем, невозможно прочесть тому, кто не имел доступа.

— А если у читающего нет имени?

Он так резко остановился, что едва не уронил свечу.

— Интересный теоретический вопрос.

Лиора провела ладонью по корешку с серебряной печатью. Запор открылся с тихим щелчком.

— Видимо, теория любит практику, — сказала она.

Оррин сел на ближайший стул.

— Нам придётся скрыть это от совета.

В книге оказались не имена, а записи о семи детях, которых много лет назад приводили в нижнюю часовню для испытаний. Первые шесть страниц были заполнены аккуратным почерком. Седьмая оставалась пустой, хотя бумага на ней была чуть теплее других листов.

— Что это означает? — спросила Лиора.

— Что записи либо уничтожены, либо их никогда не существовало. Иногда Свод скрывает события, которых не способен объяснить.

За дверью послышались шаги. Оррин поспешно закрыл книгу. В библиотеку вошла леди Селена.

— Я искала вас, дорогая. Нам нужно примерить свадебную диадему.

Её взгляд упал на серебряную застёжку книги. Лицо едва заметно напряглось.

— Весьма древнее чтение. Вам не следует перегружать голову перед церемонией.

— Я как раз изучаю семейные традиции, — сказала Лиора. — Расскажите, почему исчезла ваша старшая племянница Эстель.

Селена на мгновение утратила цвет лица.

— Эстель была слишком любопытна. Не всегда любопытство приносит счастье.

— Она умерла?

— Этот вопрос вам лучше задать Кайрену.

— Он сказал, что не убивал её.

— Ах, он и такое умеет говорить.

Леди Селена улыбнулась настолько холодно, что Лиора почувствовала желание протереть руки.

Когда шаги Селены стихли, Оррин ещё долго стоял у двери, прислушиваясь к коридору. Затем снял очки и протёр стёкла краем жилета.

— Знаете, леди, библиотека становится опасным местом, когда люди начинают искать в книгах не подтверждения, а вопросы.

— Значит, сюда надо приходить чаще.

— Для вас я предпочёл бы обратное. Но боюсь, поздно.

Он повёл её за высокий шкаф с календарями. В дальнем углу обнаружилась узкая лестница, ведущая на балкон под самым потолком. Оттуда была видна вся библиотека: столы, лестницы на колёсах, застеклённые шкафы и маленькие огни ламп. На полке стоял деревянный ящик с надписью: «Несостоятельные источники».

— Что значит несостоятельные? — спросила Лиора.

— Всё, что противоречит официальной истории и потому должно быть бесполезно для людей, предпочитающих удобные ответы.

Оррин достал тонкую книжицу, сшитую грубой нитью. Это был дневник подмастерья, служившего во дворце двадцать лет назад. Его записи были небрежными: сколько ламп погасло, у какой двери заменяли замок, куда уносили разбитые колбы. Среди цифр Лиора увидела строку: «В ночь тринадцатого удара нижний круг разом ослаб. Ребёнок сказал, что не хочет. Старший велел записать: опыт завершён».

— Тринадцатого удара? — повторила она.

Кисть руки неожиданно похолодела. В снах колокола всегда останавливались раньше, будто её память не позволяла досчитать до конца.

— Да. Чиновники не привыкли слышать отказ от тех, кого не считают людьми, — ответил Оррин. — Возможно, это была самая важная фраза всей ночи.

— Кто записывал дневник?

— Подмастерье по имени Лукас. Через месяц его перевели на южные заставы. С тех пор о нём нет сведений.

Лиора осторожно перелистнула страницу. Между листами лежало высохшее перо серой птицы — не настоящей, а вырезанной из ткани, с видимым стежком вдоль края. Кто-то пытался сохранить хотя бы клочок того, что официальная история называла неудачным опытом.

— Почему вы держите это здесь, а не сожжёте? — спросила она.

Оррин улыбнулся грустно.

— Потому что мой младший брат когда-то исчез из городских записей. Его долг посчитали погашенным; имя пропало из журнала, будто он вовсе не жил. Все сказали, что так положено. С тех пор я сохраняю даже плохие свидетельства. Иногда из них складывается правда.

Лиора никогда не считала старика смелым. Он говорил тихо, рассеянно терял закладки, вздрагивал при виде советников. Теперь она увидела, что смелость может существовать не только в драке и бегстве. Иногда это способность двадцать лет не выбрасывать бумагу, за которую тебя могут казнить.

Она вернула дневник на место и спросила, может ли помогать с каталогом. Оррин удивился, затем назвал три забытых языка, на которых хранились древние записи. Лиора не знала ни одного.

— Тогда начнём с букв, — решила она. — По крайней мере, у букв ещё не было случая попросить меня притвориться чужой невестой.

Оррин впервые засмеялся по-настоящему. Но, спускаясь с балкона, попросил её больше не произносить имя Эстель рядом с открытыми дверями.

За одним из шкафов Оррин обнаружил старую карту, на которой город выглядел иначе. Не было семи высоких башен и закрытых архивов. На их месте располагались небольшие площади, соединённые переходами. Каждая отмечалась знаком раскрытой ладони.

— Это Астера? — удивилась Лиора.

— Очень ранняя, — ответил архивариус. — По официальной истории тогда здесь существовало семь независимых поселений. Но, кажется, они обменивались силой без единого хранилища.

На полях карты стояла подпись человека по имени Мирон, одного из первых хранителей. Он писал: «Не забывайте спросить у входящего, хочет ли он оставаться». Ниже кто-то более поздней рукой добавил: «Опасное заблуждение. Без принуждения поселения погибнут».

Лиора провела пальцем по старым буквам.

— Когда люди успели испугаться собственного согласия?

— Постепенно, — сказал Оррин. — Сначала во время зимней эпидемии попросили некоторых жителей поддерживать обогрев дольше обычного. Потом решили, что можно записать их согласие на следующий год заранее. Потом перестали спрашивать вовсе. Историки любят великие даты и коронации. Но настоящие перемены часто начинаются с маленького слова «временно».

Он рассказал об одном свидетельстве, найденном в переписке старого лекаря. Тот просил не продлевать клятвы больным, потому что они уже не способны участвовать без вреда для здоровья. На письме стояла официальная резолюция: «Рассмотреть после завершения чрезвычайных мер». Чрезвычайные меры действовали уже три поколения.

Лиора почувствовала, как в ней поднимается знакомый гнев. Ей хотелось уничтожить все печати одним движением, но она уже знала от Кайрена: внезапное исчезновение магической поддержки может погубить тех, кто зависит от городских стен и больниц.

— Как вернуть людям то, что они перестали помнить? — спросила она.

Оррин поправил очки.

— Сначала показать, что другой способ когда-то существовал. Потом дать возможность попробовать его в малом. Никто не поверит в свободу, если единственное доказательство — ещё один приказ.

Лиора долго смотрела на карту раскрытых ладоней. Впервые прошлое перестало казаться перечнем ошибок. Оно стало источником знания, который можно вернуть не ради старой славы, а ради живых людей.

Вернувшись к нижней полке, Оррин достал потрёпанную тетрадь. На обложке стояли инициалы Э. А. Внутри были записи о расходовании магии в Нижних кварталах, перечни должников и наброски чудовищного механизма под дворцом. На последней странице Эстель написала: «Сила не создаётся из долга. Она отнимается у тех, кто не может возразить».

Лиора прочла строчку дважды.

— Кайрен видел это?

— Он сам передал тетрадь на хранение. Просил не уничтожать, что бы ни произошло.

— Почему же никто не остановил Свод?

Оррин устало потёр глаза.

— Потому что люди, пользующиеся его благами, любят считать цену неизбежной. И потому что всякий, кто пытался порвать связь, погибал.

На обратной стороне последнего листа Лиора обнаружила рисунок: маленькая тряпичная птица, сшитая из двух кусков серой ткани. Под ней стояли слова: «Если она ещё жива, скажите ей, что дверь можно открыть не ключом, а просьбой».

У Лиоры перехватило дыхание. Такой птицы не было у неё с детства. По крайней мере, так она думала.

ГЛАВА 8

НИЖНЯЯ УЛИЦА

Выйти из дворца без сопровождения оказалось проще, чем казалось: нужно было всего лишь найти человека, который не боялся нарушить правила. Таким человеком оказалась Тея. Она раздобыла две простые накидки, спрятала волосы под платком и сообщила стражнику, что господин приказал отвезти бельё прачке. Стражник покраснел, увидев её улыбку, и не задал вопросов.

Лиора шла по улицам Астеры и впервые после приезда во дворец могла дышать свободно. Тея удивлялась тому, как быстро меняется город. Выше третьей террасы мостовые были выложены светлым камнем, фасады домов украшали зачарованные растения, у дверей сидели бронзовые львы, способные распознавать воров. Ниже становилось грязнее, холоднее, теснее. Магические фонари гасли один за другим, словно чья-то невидимая рука выкручивала фитили.

У прачечной их встретила хозяйка — женщина с белёсыми бровями и толстым поясом, к которому были прикреплены долговые книги.

— За чем пришла? — спросила она Лиору. — Ты уже заплатила за мелкого. Квитанция у тебя есть.

Лиора проверила записи: Иво действительно больше ничего не должен. И ещё тридцать два имени исчезли из книги. Селена выполнила обещание.

— Теперь хочу узнать, сколько людей ты заковала незаконно.

— Не твоё дело, оборванка.

Женщина ударила ладонью по медному столу. На стене вспыхнула печать взыскания. Она метнулась к Лиоре, обернулась вокруг её рук и тут же растаяла. Хозяйка отшатнулась.

— Ведьма!

— Нет. Просто крайне недовольный покупатель, — сказала Лиора. — Покажи старые книги.

Снаружи раздались тяжёлые шаги. Кайрен вошёл в прачечную, стряхивая дождь с плеч. Он был одет в чёрный дорожный плащ и выглядел так, словно уже составил в голове двадцать способов высказать своё недовольство.

— Вижу, правило номер один пришлось вам не по душе.

— Зато сопровождающий не храпит, — ответила Лиора. — Вы вполне подходите.

Тея прижала ладонь ко рту, скрывая смешок. Кайрен попытался остаться суровым, но его взгляд выдал усталое веселье.

Он приказал стражникам опечатать книги прачечной, а хозяйку передать городскому судье. Затем сам обошёл задние помещения, где под потолком висели влажные рубахи и пахло щёлоком. Там работали дети, самому младшему не было и десяти.

— Я не знал, что здесь берут годы жизни, — сказал Кайрен.

— Вы ведь глава одного из семи домов. Как могли не знать?

— Я знал о сборе времени как о законной мере. Не знал, что его применяют к детям.

— Наверное, бумаги снова потерялись.

Он принял упрёк без оправданий.

Позже они встретили Иво. Мальчик уставился на Кайрена с таким ужасом, будто увидел городскую казнь, а затем неожиданно вцепился в руку Лиоры.

— Ты за мной вернулась!

— Я ведь обещала.

— А это кто?

— Очень богатый человек с отвратительным характером.

Кайрен присел перед мальчиком, не обращая внимания на грязь мостовой.

— Меня зовут Кайрен. Лиора говорит, ты умеешь быстро бегать.

— Я быстрее стражи.

— Отличное качество. Только впредь используй его, чтобы добегать до школы, а не от стражи.

Иво недоверчиво прищурился.

— Школы у нас нет.

Мужчина поднял взгляд на Лиору. Та молчала. Он медленно кивнул, словно принял решение, которое долго откладывал.

До отъезда Лиора попросила показать дом, который Кайрен собирался передать под школу. Раньше здесь стоял склад с испорченными ткацкими станками. Внутри пахло пылью, мокрым деревом и старой краской. В нескольких комнатах отсутствовали двери, зато окна выходили на площадь, где дети играли между телегами.

Иво первым вбежал в зал и объявил, что здесь непременно следует поставить огромную доску, чтобы каждому хватило места писать. Кайрен окинул стену взглядом.

— Для доски такого размера понадобится снять две полки.

— Снимем, — уверенно сказал мальчик.

— Вы говорите так, будто уже владеете зданием.

— А кому оно принадлежит?

Кайрен замолчал. Вопрос был задан без задней мысли, но Лиора увидела, как трудно ему подобрать ответ.

— Дому Вальтерис, — наконец сказал он. — Пока. Я собираюсь передать его городу для школы.

— А дети смогут приходить, если у них нет настоящего имени? — спросила девочка с перевязанным пальцем. Ная привела её с собой, чтобы узнать, будет ли здесь безопасно.

— Да, — ответил Кайрен.

— А если их долг не уплачен?

— Да.

— А если они совсем маленькие?

Лиора улыбнулась.

— Давайте составим список запрещённых причин не пускать ребёнка учиться. Начнём с того, что у него слишком много вопросов.

Дети засмеялись. Кайрен опустился на корточки перед девочкой и спросил, сколько ей лет. Она показала четыре пальца одной руки и два другой, явно сомневаясь в арифметике. Он сказал, что можно приходить и в шесть, и в семь, и в десять — никто не станет выгонять тех, кому нужно сначала научиться держать перо.

Лиора смотрела на него и чувствовала странную неловкость. Ей было легче спорить с человеком, который ничего не понимает, чем замечать, как он меняется без особенного шума.

У двери их догнала Ная. На руках она держала маленькую дочь, укутанную в выцветшее покрывало.

— Я не умею читать, — сказала женщина. — Всегда ставила крест вместо подписи. Если будут вечерние уроки, я могу после работы помогать убирать.

— Будут, — ответила Лиора прежде, чем Кайрен успел подумать о расписании. — И уборку вам не придётся отрабатывать вместо платы.

Кайрен повернулся к управляющему, сопровождавшему их с каменным выражением лица.

— Запишите. Вечерние занятия, отдельная комната для маленьких детей, если родители придут с ними. И никакого договора, требующего полного имени.

— Но, господин, как же вести учёт?

— По тем именам, которыми люди представятся.

Управляющий приоткрыл рот, затем закрыл. Лиора не удержалась от улыбки. На одной улице они ещё не разрушили законов королевства, зато уже создали маленькое пространство, где закон перестал быть оправданием жестокости.

Когда все вышли, Иво догнал Кайрена у порога. Некоторое время он переминался с ноги на ногу.

— Вы ведь не заберёте школу обратно, если кто-то на вас разозлится?

Кайрен ответил не сразу.

— Постараюсь составить договор так, чтобы даже я не смог этого сделать.

Иво уважительно кивнул. Для него это было куда более убедительным обещанием, чем слова о великодушии.

Пока взрослые обсуждали ремонт школы, дети нашли кусок мела и начали рисовать на полу. Они изображали будущие классы: в одном будут учить буквы, в другом — считать, в третьем — чинить сломанные вещи. Иво нарисовал огромную кухню, в которой хлеба хватало на всех. Рина, та самая девочка с рыжими косами, добавила возле двери табличку «МОЖНО».

— Что можно? — спросила Лиора.

— Всё, что раньше нельзя, — серьёзно ответила Рина. — Учиться, даже если ты маленькая. Входить, даже если у тебя нет жетона. Спрашивать, если не понимаешь.

Лиора присела рядом. Она узнала неровные буквы, которые когда-то помогала писать углём на ступенях закрытой школы. Девочка посмотрела на неё внимательно и вдруг улыбнулась.

— Я тебя помню. Ты научила меня писать букву «Р».

— Надеюсь, с тех пор ты научилась и остальным.

— Почти. Но теперь хочу научиться писать слово «свобода».

Кайрен стоял возле окна и слышал разговор. Он наблюдал, как Лиора берёт мел и медленно выводит длинное слово на полу. Дети повторяли за ней. Для него это выглядело неожиданно важным: в старых родовых книгах каждое имя превращали в знак владения, а здесь человек учился писать сам, не передавая никому право распоряжаться собой.

Один мальчик спросил, будут ли в школе магические уроки. Оррин, успевший зайти вслед за ними, объяснил, что прежде нужно научиться читать предупреждения и понимать опасность заклинаний. Дети разочарованно застонали. Лиора предложила нарисовать на стене большой круг, который однажды можно будет оживить, когда они достаточно узнают о магии.

— А если у кого-то не получится? — спросила Рина.

— Тогда попробуем по-другому. Не все обязаны колдовать.

Слова удивили даже взрослых. В Астере способность пользоваться магией определяла место человека в обществе; отказ от неё казался почти позором. Но Кайрен медленно кивнул.

— Совершенно верно. Человек не должен становиться меньше только потому, что его сила проявляется иначе.

Когда они вышли из здания, солнце пробилось сквозь облака. На полу остались неровные буквы и рисунки, которые завтра придётся стереть, чтобы начать ремонт. Лиора не огорчилась: дети уже знали, как написать свои желания снова.

На обратном пути разыгралась буря. У городских ворот магическая защита внезапно погасла, и с насыпи обрушился поток воды. На мосту осталась женщина с ребёнком. Кайрен бросился к ним, создал над головами арку из света, но печать Свода обожгла его грудь. Он пошатнулся. Лиора, не задумываясь, схватила его руку.

Волна ударилась о невидимую преграду, разделилась надвое и ушла по боковым стокам. Ни у Лиоры, ни у Кайрена не было времени понять, кто создал защиту. Женщина подхватила ребёнка и бросилась к воротам.

На мосту они остались одни. Дождь промочил волосы Лиоры, вода текла по шее. Кайрен держал её за руку. Его пальцы дрожали.

— С вами всё хорошо? — спросила она.

— Впервые за много лет, — сказал он, глядя на неё, — я не чувствовал, как Свод забирает у меня жизнь.

В его глазах отражалось настоящее небо — низкое, серое, полное дождя. Лиора вдруг заметила на его виске белую нитку волос, которую прежде скрывала причёска. Ей захотелось коснуться её и спросить, когда она появилась. Вместо этого она неловко отняла руку.

— Вам стоит взять зонтик, — произнесла она.

— И вы говорите, что у меня отвратительный характер.

Они рассмеялись оба. Сквозь шум ливня этот смех прозвучал удивительно спокойно.

ГЛАВА 9

ТРИ ПИСЬМА

Вернувшись, Кайрен приказал приготовить для Лиоры горячую ванну и прислать к ней лекаря. Сам он отправился к управляющему и до полуночи подписывал бумаги. Наутро на Нижней улице появились представители городского надзора. Прачечную временно закрыли, долговые печати изъяли, а в пустующем доме напротив стали оборудовать бесплатный класс. Кайрен не рассказал Лиоре о распоряжениях; она узнала всё от Иво, который прислал письмо, написанное неуверенными крупными буквами: «У НАС ТЕПЕРЬ ЕСТЬ ШКОЛА. ТЫ БЫ УДИВИЛАСЬ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.